

НАКРОЕМ И ПЕРЕКРОЕМ

Доминик Перро сделает золотую крышу для Гергиева

В конце прошлой недели был назван победитель международного конкурса на строительство нового здания Мариинского театра. Им оказался французский архитектор Доминик Перро. Такого радикализма от жюри не ожидали: доверить российское достояние отъявленному постмодернисту! Однако весь политический и художественный расклад был на его стороне. «БК» предлагает собственную версию обсуждения 11 проектов в порядке возрастания их шансов на победу.

Сергей СОЛОВЬЕВ ВЗРЫВООПАСНЫЙ СТЕКЛОПАКЕТ

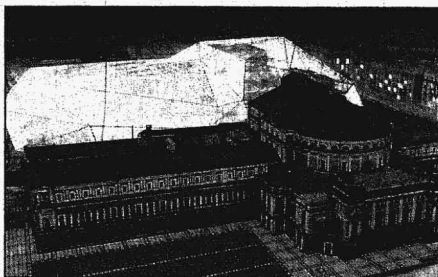
«Фойе — не просто призма из стекла; это стеклянная призма, наполненная жизнью Петербурга. Метафорически новый театр можно описать как «помещенный внутри лостры»». Американец Эрик Мосс, написавший эти слова в качестве сопроводения к своему проекту, вынужден был оправдываться. Его попусту подставляли: два года назад Мосса уже объявляли главным архитектором будущей стройки. Тогда же — как только питерская пресса увидела персональный проект — вспыхнул скандал. Образ новой сцены — разорвавшийся прозрачный куб: то там, то здесь выступают стеклянные вдутия — казался кощунственным по отношению к старому зданию. После этого главный архитектор Петербурга Олег Харченко потребовал международного конкурса. На творческий тендер выставили территорию за старым корпусом Мариинки. Основных требований два: связать новое здание со старым и соответствовать уровню окружающей застройки.

К тому времени, когда в Академии художеств выставили 11 отобранных макетов, критики Мосса поняли, во что влипили: амбиции Гергиева таковы, что он никогда не смирится с «незамеченным проектом». Здесь не пройдет фокус с Большим театром — сделать маленькую классическую копию и забыть. На конкурс были приглашены самые парадоксальные архитекторы современности. И все они, не сговариваясь, устроили старой Мариинке проверку под линзами поп-арт: каждый из проектов — огромный стеклопакет. Здесь нет ни колонн, ни лепнины, ни красного бархата. На этом фоне вариант Мосса не казался таким уж страшным. Наоборот, в нем была своя поэзия, адекватная разброшенности, а главное — цветовой гармония: американец выбрал стекло матового зеленого цвета — под стать старому зданию и невосковой воде. Но если уж один раз клеймо поставлено, его не смыть. Короче говоря, Эрик Мосс отчаялся в победе, хотя честно, по бойцовски, дошел до конца.

РУССКИЕ ПОДПОРКИ

Примерно в той же ситуации заложников конкурсных амбиций оказались и российские участники. При том, что каждый из наших архитекторов прыгнул выше своей головы и создал проект, подходящий и Парижу, и Берлину, у них нет шумных международных строк, про них еще не написаны книжные тома, к тому же они всегда рядом, под рукой. Поэтому команда Москва-Питер выступила исключительно как группа поддержки.

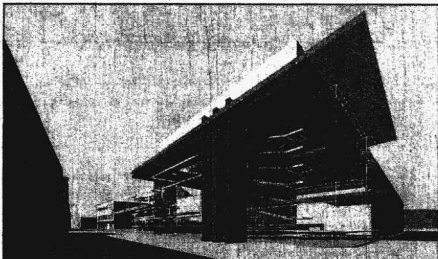
Почти официальный московский архитектор Андрей Бокоев а

Доминик Перро.

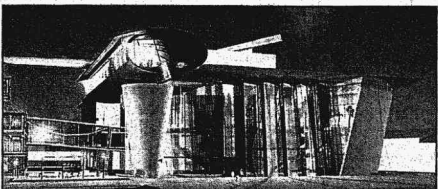
Эрик ван Эгераат.

Арата Исоэзак.

Марк Рейнберг.

Ханс Холляйн.

сотрудничество с Олегом Романовым после новорусской реконструкции Пушкинского музея и стадиона «Локомотив» решил вернуться к главным временам конструктивизма: именно он создал все театральные эффекты Музея Маяковского (1989 год). Тандем московский тандем предложил построить стеклянную галерею-мост, завернув Мариинку в некую прозрачную шкатулку.

Основная фишка проекта Питера Марка Рейнберга — стержни-поршни, которые приводятся в движение звуками музыки. Его филиал напоминает ошестившуюся музыкальную шкатулку. Примерно в таком же ключе мыслит и Александр Сухов. Он уже набил руку на «вписывании» своих конструкций в историческую застройку московской Воздвиженки и его простые стеклянные объемы можно назвать самыми деликатными из всех проектов. Чего как раз нельзя сказать о стеклянной «фабрике» Юрия Земцова и Михаила Кондачина: ради того, чтобы создать «градостроительные ориентиры», они решили свети целый квартал за старой сценой.

Проект Сергея Киселева — сплошной пирог: нижний уровень — соразмерен прохождению, верхний — чистые геометрические формы. Именно в нем видели самый реалистичный путь строительства новой сцены. Но реализм у Гергиева не в чести.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ПЯТЕРКА

Питеро иностранцев, помимо Мосса — сплошь знаменитости и признанные классики неклассической архитектуры. Оттого каждый из них скорее выражал собственные установки, нежели заботился о питерском ансамбле. Как такового Питера с его мифами, архитектурой и прочими прелестями здесь и рядом не лежало. Единственный, кто реально «навел мосты» с российской архитектурой, был японец Арата Исоэзак. Правда, мосты от противного: он предложил возродить дореволюционный конструктивизм, заглянувший в стилистические Японию проект — это три пересекающиеся плоскости в цвет российского триколора. Но в этом даже больше историчности, чем в пресловутых московских башенках. Конструкция австрийца Ханса Холляйна сильно смахивает на

оркестровый рояль, хотя сам он хотел сделать что-то вроде римских фантастических пейзажей XVIII века. Итальянец Марио Ботта решил возвести «простые формы» — куб с огромным козырьком. Но в этой простоте имеется что-то от пресловутого Креплевского Дворца съездов. Масло в критический огонь подбавил голландец Эрик ван Эгераат. Его конструкция называется «Руки ангела» — зрителей встречают огромные стеклянные кисти, в которых все сначала видели символ аплодисментов. Оказалось: «Этот свойственный опере и балету жест выражает порыв нового Мариинского театра в будущее. Рука Ангела овеет зрителей смыслом и дух русской жизни».

СКАЗКИ ПЕРРО

«Появление/исчезновение — суть вечная сценария оперы с ее артистами. Присутствие/отсутствие нашли свое отражение в архитектуре, вписывающейся в исторический силуэт и скрывающейся под золотой маской». Эти слова Доминика Перро — манифест его театра: простой параллелизм из черного моря, на который набросан золотой кокон.

Решение до гениального простое — продублировать свое ироничное подобострашие перед классикой. Эдак, уйти в тень. К тому же в спуднике Перро оказался еще один козырь, который стоило бы прибавить для Москвы: когда глядишь на панораму города, кроме шпилей видишь еще и всполохи золотых крыш и куполов. Доминик решил создать новую светящуюся точку.

У проекта Перро, помимо очевидного концептуального достоинства, есть два существенных недостатка: во-первых, он не проработан в деталях (еще не ясно, что разместится между главным зданием и его покрытием), во-вторых, даже в проекте с высоты птичьего полета здание производит не слишком благоприятное впечатление. Самое безобидное сравнение, упоминающееся на питерском форуме, — кашка. Но репутация строителя Национальной библиотеки Франции и самого большого экспериментатора по части новейших материалов заставляет профессионалов затаиться и с нетерпением ждать будущего года. ■

ДОСЬЕ «БК»

Доминик Перро окончил парижскую Школу изящных искусств по специальности «Архитектура» (1978), Французскую национальную школу мостов и дорог по специальности «Городское планирование» (1979) и Высшую школу социальных наук (1980). Президент Французского института архитектуры (IFA) с 1988 года. Кавалер ордена Почетного легиона.

В 1989 году выиграл тендер на строительство нового здания Национальной библиотеки в Париже. Четыре стеклянные башни-книги обсуждались всеми средствами массовой информации. Затем построил Олимпийский велодром и басейн в Берлине (1992), коммерческий центр в Инсбруке (2002). Во всех проектах Перро использует свой любимый материал — металлическую сетку, технологию производства которой известна лишь немногим посвященным.

